

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ СЕГОДНЯ

Современник входит в историю

Михаил Жирмунский

СВИРИДОВУ везло в Большом зале консерватории, где он часто слышал выдающееся исполнение своей музыки. Год спустя после смерти последнего из великих русских композиторов в этих стенах появился его бронзовый бюст работы Михаила Аникушина. Бюст подарил залу Владимир Федосеев. По окончании церемонии состоялся концерт БСО имени Чайковского. В программу монографического вечера была включена премьера кантаты на стихи Александра Блока «Грустные песни» — практически первое прикосновение к свиридовскому архиву, где хранится еще многое, не дошедшее до публики. (Рассказывают, Георгий Васильевич не хотел издавать даже «Метель», но Эльза Густавовна в его отсутствие отнесла рукопись в издательство, чем сам Свиридов остался крайне недоволен.) Монументальность отличала все сочинения, объединенные в программе. Многоликий монумент «вылепил» в результате и сам концерт, ведь после «чиновных» речей предстояло показать величие свиридовской музыки в ее абсолютном созвучии слушателю уже иной, пост-свиридовской эпохи.

Владимир Федосеев как испол-

нитель Свиридова обладает совершенно уникальным статусом. С одной стороны, друг композитора и автор канонических прочтений его музыки в 70-е годы, с другой же — крупный музыкант, с выраженным императивом дать «Свиридова конца века». Его сегодняшняя интерпретация смягчена своего рода «музыкальной мемуаристикой». Дирижер не просто воссоздает структуру и эмоциональный строй произведения, но еще и вспоминает конкретного человека. И, наверное, себя, дирижирующего той же музыкой на той же сцене перед публикой с привычно сидящим в партере автором. Это сочетание особенно ценно в прошедшем концерте, поскольку оно и прочертило саму грань двух эпох. Исполнительское и слушательское восприятие более спокойных лет связывало музыку Свиридова с уютной сердечной лирикой, безудержно радостной патетикой и не простым по языку раздумьем о бытии. Сегодня во всем этом однозначно прочитывается родственная духу времени, легко понимаемая залом апокалиптическая трагедия.

«Музыка для камерного оркестра», посвященная Рудольфу Баршау, прозвучала тремя пронзительными лирическими фрагментами, а кажется, нуждалась в обновленном, более жестком и умогрозительном подходе. Из-за того, что первые две пьесы по на-

строению повторили друг друга, оказался нереализованным явный симфонический заряд этого сочинения с его целостной логикой и на самом деле крупным масштабом. Сюита «Время, вперед!» в этом исполнении и сегодня поражает богатством и мощью свиридовского оркестрового мышления. В звучании БСО ясно слышны следы почти ушедшей культуры репетиционной работы. Точность, динамизм, яркость тембров, нужная мера трагедийности и живая интимность той особой федосеевской лирики (в фокстроте) создали такое целое, в орбиту которого под конец легко вписалось и «Вступление», слишком известный по иным контекстам «стук времени». Этот номер повторили уже с некоторым сумбуром, и акцент на его шлягерности сразу же сбился в поклон вчерашнему дню и наркотической бодрости программы «Время». В «Поэме памяти Сергея Есенина» дирижер снова верно заострил эмоциональную многоплановость этого опуса. С пониманием провел сольную партию тенор Роман Муравичкин, правда, его «горловое» пение и неудача Юрловской капеллы заставляли вспоминать Алексея Масленникова и тот же хор прошлых лет. «Отзвуком» хорошо знакомого «Вальса», этим прощальным словом только от себя лично, мастером завершил в тот

вечер свое изваяние Свиридова.

«Грустные песни» в исполнении классика свиридовского стиля Александра Ведерникова были одним из самых привлекательных моментов программы. Он спел три тихих монолога о смерти. Вряд ли кто еще смог бы донести скрытую в ровном течении фраз тоску души, постепенно распадающейся с жизнью, в красках голоса отразить нюансы блоковских стихов. Свиридов работал над песнями до последних дней, и эти его раздумья скорее дневникового плана. Кантата отнюдь не эффектна: небольшой оркестр, солирующий гобой, прозрачный фон женского хора в конце и едва отмеченное перетекание одного стихотворения в другое. «Песни» оказались лишь одной из лирических пауз в монументальном по общей тенденции концерте, но ожидание события оправдалось. Пение Ведерникова показало основы «аутентичного» — созданного вместе с автором и им ценимого — свиридовского исполнения. Живой образ Свиридова возникает и в рассказах Ведерникова. Выступавшие на церемонии перед бюстом почему-то упорно говорили о его немногословности и запредельном устремлении мысли. А композитор жил реально — увлекал людей бездонностью своих знаний, живописал целые картины за роением, был разговорчив за обильным столом. ■

Неизданный гай - 1999 - 3 марта - с. 7